

Киселев А.А.
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НИЖНИХ ЧИНОВ
ГОРОДСКИХ И УЕЗДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Ключевые слова: урядники, городовые, стражники, белорусские губернии.

В конце XIX – начале XX в. нижними чинами уездной и городской полиции являлись урядники, стражники и городовые. Основным источником, позволяющим детализировать наши представления об этой категории служащих, являются их послужные списки, ведомости о личном составе.

Состав полицейских урядников в белорусских губерниях можно охарактеризовать на основании ведомостей урядников Виленской (1894) [1], Могилевской (1900) [3] и Гродненской (1903) [2] губерний. К сожалению, по отдельным параметрам сопоставить данные об урядниках этих губерний не получится в силу недостаточной унификации этих источников. В Виленской губернии из 136 (99,3 % от штата) урядников 80 (59 %) имели домашнее образование, 36 (27 %) окончили народное училище, 12 (9 %) – уездное училище, 4 (3 %) – приходское училище, а 2 (1 %) – духовное училище. Один (0,5 %) урядник обучался в военной фельдшерской школе и еще один (0,5 %) – в батальоне военных кантонистов. По вероисповеданию в Виленской губернии 127 (93 %) были православными, 5 (4 %) – католиками, 3 (2 %) – мусульманами и 1 (1 %) оказался старообрядцем. В своей биографии армейского опыта не имели 32 (23,5 %) урядника, то есть большинство до своей полицейской карьеры послужили в русской армии. Сословное происхождение указывали лишь те, кто не получил воинских чинов (32–23,5 %). В результате получилось следующее распределение: 13 (40,6 %) происходили из крестьян, 9 (28 %) – из мещан, 5 (15,6 %) – из дворян, 1 (3,1 %) – сын священника, 1 – из потомственных почетных граждан, 1 – сын коллежского регистратора. В двух случаях сложно точно определить сословную принадлежность, поскольку в одном списке значилось житель, а в другом – сын кандидата [1]. Предположительно, что указавшие в графе воинский нижний чин происходили из низших сословий.

Если возраст урядников Виленской губернии по ведомостям установить невозможно, то средний возраст урядников Могилевской губернии составил 38,2 года, а медианный – 37 лет. Минимальный возраст – 26 лет, а максимальный – 65 лет. Самой распространенной группой оказались урядники в возрасте от 31 до 40 лет – 62 (55,4 %). На втором месте – служащие в возрасте от 41 до 50 лет – 29 чел. (25,8 %), на третьем – от 20 до 30 лет – 15 (13,4 %). По остальным возрастным группам сложилось следующее распределение: от 51 до 60 лет – 4 (3,6 %), от 61 до 70 лет – 2 (1,8 %). По социальному происхождению имеются сведения о 99 (88,4 %) из 112 урядников. Из них большинство происходило из крестьян – 72 (73 %), из мещан – 21 (21 %), из почетных граждан – 4 (4 %), из дворян – 2 (2 %). Большинство нижних чинов (90 – 80,4 %) имели опыт военной службы. К сожалению, в большинстве списков не указывались сведения о месте рождения урядника. Исключением стали данные по 9 (100 %) урядникам Чериковского УПУ, по которым все должностные лица были уроженцами Могилевской губернии, причем 7 из них родились в Чериковском уезде. В 73 (65 %) послужных списках имелась информация об образовании урядника, согласно которой 17 (23 %) урядников ограничились домашним образованием, 38 (52 %) воспитывались в народных училищах, 3 (4 %) обучались в церковно-приходских училищах, 1 – в школе при монастыре. По одному уряднику не смогли осилить полный курс народного и приходского училища. Два урядника не завершили обучение в учительской семинарии. 7 (9,6 %) окончили уездные училища, а урядник Быховского уезда В.В. Козлинский не

доучился в Могилевской гимназии. Один урядник получил образование в школе военных кантонистов, другой – в жандармской окружной школе, а третий урядник в своем списке указал лишь школу полицейских урядников. Еще 10 (13,7 %) урядников помимо полученного ими образовательного ценза прошли через школу урядников [3].

Информация немного иного рода содержалась в послужных списках урядников Гродненской губернии. Если о вероисповедании урядников Могилевской губернии в списки данные не вносились, то в Гродненской губернии таковые сведения имелись. Так, из 159 урядников 156 (98,1 %), т.е. абсолютное большинство, являлись православными, а по одному уряднику исповедовали католичество, лютеранство и ислам. Вместе с тем вполне сопоставимы данные об образовательном уровне нижних чинов. В частности, 100 (63,3 %) урядников ограничились домашним воспитанием, 39 (24,7 %) обучались в народном училище, при этом среди них было 2 урядника, учившихся в школе урядников, 2 (1,3 %) окончили городское училище и уездное училище – 7 (4,4 %), в том числе двое дополнительно прошли обучение в школе урядников, гимназию окончил – 1 (0,6 %), учительскую семинарию – 1 (0,6 %), духовное училище – 2 (1,3 %), фельдшерскую школу – 1 (0,6 %), 5 (3,2 %) урядников имели за плечами лишь школу урядников. Большинство урядников (86 %) ожидаемо прослужили в армии до перехода в полицию, а 22 были приняты на службу урядниками без этого эпизода в их биографии. В случае с урядниками Гродненской губернии сведения о сословном происхождении фрагментарны, поскольку отслужившие нижние чины предпочитали указывать лишь свое воинское звание и только в отдельных записях нижний воинский чин соседствует с социальным происхождением. Можно предположить, что в основном такие урядники были из крестьян и отчасти мещан. В 29 (18,4 %) случаях, где имелась информация о сословном происхождении урядника, получилось следующее распределение: из крестьян – 16 чел. (55,2 %), из мещан – 5 (17,2 %), из однодворцев – 1, из почетных граждан – 2 (6,9 %), столько же было из числа сыновей чиновников (коллежского регистратора и коллежского советника) и, наконец, из дворян – 3 (10,3 %) [2].

К сожалению, данные о составе нижних чинов городских полиций в фондах Национального исторического архива Беларуси отличаются существенной неполнотой. Однако выборочные сведения все же позволяют сформировать некоторое представление о том, кто охранял порядок на городских улицах. В частности, для составления социологического портрета городских полицейских управлений использовались послужные списки 116 (100 %) нижних чинов Брестского ГПУ за 1908 г. В результате анализ показал, что 87 (75 %) нижних чинов являлись уроженцами Гродненской губернии, 3 (2,6 %) городских были выходцами из Минской, Виленской и Ковенской губерний, то есть более трех четвертей всех городских являлись жителями губерний Западного края. Только 9 (7,8 %) городских оказались выходцами из внутренних великорусских губерний империи, а 5 (4,3 %) чинов полицейской команды – из украинских губерний. Интересно, что 9 (7,8 %) стражей порядка родились в губерниях Привислянского края, причем в пяти случаях городские были из Седлецкой губернии. Наконец, по одному городскому происходили из Эстляндской и Бессарабской губерний. По конфессиональной принадлежности состав уличных стражей порядка оказался следующим: 19 (16,4 %) исповедовали католичество, в трех случаях (2,6 %) сведения о вероисповедании отсутствовали, а подавляющее большинство (81 %) являлись православными. Только 8 (6,9 %) городских не имели опыта военной службы, в одном случае сведения о службе отсутствовали, а вот прочие нижние чины управления служили в русской армии. Интересно, что 73 чина (68 %), т.е. более двух третей из них, вернулись со службы в унтер-офицерских званиях. По сословному происхождению большая часть всех городских являлись крестьянами, поскольку всего 6 (5,4 %) указали принадлежность к

мещанству, а в 13 (11,2 %) послужных списках сведения отсутствовали. Средний возраст городских равнялся 35,5 года, а медианный возраст составлял 32 года. Минимальный возраст служителя закона был 20, в максимальный – 68 лет. По возрастным группам распределение оказалось следующим: от 20 до 30 лет – 48 (44,4 %), от 31 до 40 лет – 34 (31,5 %), от 41 до 50 лет – 11 (10,2 %), от 51 до 60 лет – 12 (11,1 %). Только 3 (2,8 %) городских были старше 60 лет [5].

Полученные данные о полицейской команде скорее всего могут считаться типичными. По крайней мере, из 48 (24 % от штата) городских Белостокского ГПУ в 1907 г. по сословному происхождению 8 (16,6 %) городских являлись мещанами, 1 (2,1 %) оказался из дворян. В двух (4,2 %) случаях сведения отсутствовали, а вот остальные нижние чины (77,1 %) указали происхождение из крестьян. 34 (70,8 %) чина белостокской полицейской команды были из числа уроженцев Гродненской губернии, 7 (14,6 %) – происходили из белорусских губерний, причем 6 – из Минской и один из Могилевской губерний; 2 (4,2 %) – из украинских (Подольской и Волынской) губерний, 1 (2,1 %) – из Ковенской губернии. Еще один городской оказался родом из Сувалкской губернии, а его сослуживец – из Шлиссельбурга. В одном случае сведения в послужном списке отсутствовали. В отличие от брестской полицейской команды в Белостоке православные городские находились в меньшинстве – 18 (37,5 %), а вот лица католического вероисповедания составляли явное большинство – 62,5 %. Только 5 (10,4 %) городских не служили в армии, а остальные до своего поступления в полицию имели армейский опыт, причем 23 (53,5 %) выслужили унтер-офицерские звания. Средний возраст городских из Белостока составил 41,2 года, а медианный – 40. Самому молодому городскому исполнилось 30, а пожилому – 65 лет. Личный состав оказался сравнительно возрастным: от 31 до 40 лет – 26 (57,7 %), от 41 до 50 лет – 14 (31,1 %), от 51 до 60 лет – 2 (4,4 %). Старше 60 лет – всего 2 (4,4 %) полицейских служителя [4].

Самой многочисленной категорией нижних полицейских чинов являлись стражники уездной стражи. Для их характеристики используем данные по отдельным отрядам стражников Минской губернии за 1908 г. Так, анализ состава пешей и конной стражи по Пинскому уезду показал, что из имевшихся налицо 96 стражников (92,3 % от списочного состава) 86 (89,6 %) происходили из крестьян, 9 (9,4 %) – из мещан и 1 урядник – из дворян. По месту рождения стражников оказалось, что только 24 (25 %) служащих не были уроженцами Пинского уезда, причем из них вне пределов Минской губернии родилось только 16 (16,7 %) человек: 10 – из Гродненской губернии, 2 – из Виленской губернии, 2 – из Витебской губернии, 1 – из Могилевской губернии и 1 прибыл из Киевской губернии [6, л. 347–354]. По всей видимости, такое представительство не было уникальным, поскольку среди 104 (96,3 % от штатного состава) стражников Бобруйского уезда только 34 (32,7 %) не являлись уроженцами Бобруйского уезда. Из них только 19 (18,3 %) стражников приехали из-за пределов Минской губернии, причем 5 (4,8 %) – из Могилевской, 4 (3,8 %) – из Виленской, 3 – из Вятской, по одному уряднику прибыло из Витебской, Ковенской, Подольской, Харьковской, Саратовской, Пермской и Симбирской губерний. По сословному происхождению только 10 (9,6 %) чинов бобруйской стражи являлись мещанами, прочие же рекрутировались из крестьян [6, л. 308–332].

Показательно, что 977 (96 % от штатного состава) стражников конной и пешей стражи Минской губернии имели военный опыт, в том числе 451 (46,1 %) отслужили в пехоте, 196 (20 %) – в кавалерии, 175 (18 %) – в артиллерии, 130 (13,3 %) – в Отдельном корпусе пограничной стражи, 23 (2,4 %) были ратниками ополчения, а 2 (0,2 %) служили в казачьих частях [6, л. 362–363].

Таким образом, на основании фрагментарных данных по разным категориям нижних чинов полиции можно заключить, что на рубеже XIX–XX вв. «усредненный»

полицейский служитель белорусских губерний имел опыт военной службы, являлся в большинстве случаев местным уроженцем и происходил из крестьян и мещан, имел начальное или домашнее образование. Состав нижних чинов был преимущественно старше 30 лет. По вероисповеданию большая часть были православными, но в составе полицейских присутствовала заметная доля лиц католического вероисповедания, хотя такое представительство было характерно скорее всего для отдельных городов и местностей Гродненской и Виленской губерний.

1. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 102. Д. 52. Л. 29–39.
2. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 111. Д. 50. Л. 54–98.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1816. Л. 124–173.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 589. Оп. 1. Д. 302. Л. 1–180.
5. НИАБ в Гродно. – Ф. 674. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–188.
6. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 8. Д. 7.

Никитина Н.П.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРАКТИКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА КРЕСТЬЯНАМИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX–XX вв.)

Ключевые слова: община, крестьяне, наследование, трансформация, надел, русские, латыши.

Вопросы наследования имущества важны для описания социальных и экономических явлений, которые имели место в крестьянской среде в пореформенный период, вместе с тем наблюдение изменений в практике наследования крестьян позволяет увидеть тенденции, связанные с трансформационными процессами в крестьянской общине.

Дореволюционная отечественная историография обращалась к вопросам наследования в крестьянской среде, здесь следует выделить работы В. Мухина [8], С. Пахмана [9]. С точки зрения норм обычного права данная проблема была рассмотрена в трудах П.Н. Зырянова [5], Б.Н. Миронова [6], В.Б. Безгина [1], Т. Шанина [10].

Описывая традиции наследования в среде русского крестьянства, исследователи, как правило, обращаются к нормативно-правовым документам, этнографическим материалам, но вместе с тем документы региональных архивов позволяют раскрыть ряд нюансов, связанных с традицией наследования. Говоря о традиции, следует отметить, что именно она, в соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [7], лежала в основе разрешения спорных вопросов, связанных с наследованием в крестьянской среде. Анализ приговоров сельских сходов, которые сохранились в архивных фондах свидетельствует о том, что на рассмотрение сельского схода подчас выносились споры между наследниками относительно раздела имущества умершего.

Вопрос о наследовании рассматривался в двух плоскостях как наследование недвижимости (земли) и движимого имущества. Надельная земля, а именно вопрос о праве пользования ее после смерти домохозяина являлся наиболее острым для крестьян. В соответствии с положениями 1861 г. надельная земля принадлежала общине, а домохозяину только пользовалось ею между переделами земли, следовательно, после смерти домохозяина до очередного передела члены домохозяйства имели право на пользование наделом. В фондах уездных по крестьянским делам присутствий отложился ряд жалоб крестьян, связанных пользованием надельной землей, в контексте наследования. Любопытным с точки зрения норм обычного и письменного права является дело крестьянки Березовской волости Порховского уезда Хавроньи Ивановой, рассмотренное в 1882 г. Крестьянка после смерти мужа и сына передала сельскому обществу 2 надела земли, так как в силу отсутствия мужских рабочих рук не смогла их обрабатывать, впо-